

Овстуг.
Памятник
Тютчеву

Вадим Кожин,
литературовед

«Где мыслил я и чувствовал впервые...»

Один из величайших лирических поэтов России и всего мира Федор Иванович Тютчев родился и вырос в селе Овстуг, расположенном у реки Десны сорока километрами выше Брянска.

Старший современник Тютчева, исключительно высоко им ценимый, Иоганн Вольфганг Гете обронил знаменитый

афоризм: «Тот, кто хочет понять поэта, должен идти в страну поэта». Слово «страна» (немецкое «Land») означает в высказывании Гете ту «землю», «край», «почву», которая имеет решающее значение в человеческом и творческом становлении поэта. И нам поистине необходимо более или менее ясно представить себе «страну» Тютчева.

Овстуг расположен в той части, или, вернее, частице, России, которая обычно зовется среднерусской полосой; ее границами можно считать: с севера — среднее течение Оки, а с юга, запада и востока — соответственно — верхнее течение Сейма, Десны и Дона. Возьмем карту Европейской России и изберем на ней какую-либо точку в трехстах пятидесяти километрах к югу от Москвы, — например, селение Богодухово на реке Неручь — притоке Зуши, впадающей в свою очередь в Оку. Если взять это селение в качестве центра некоего круга с радиусом 150—200 километров, окажется, что заключенная в таком круге совсем малая часть России (всего каких-нибудь три процента площади ее европейской территории) породила поистине великую плеяду художников слова, имена которых — Тютчев, Кольцов, А. К. Толстой, Тургенев, Полонский, Фет, Никитин, Лев Толстой, Лесков, Бунин, Пришвин, Есенин...

Всех их часто называют «певцами русской природы». Но это только лишь одна сторона дела. Каждый из перечисленных художников — сознательно или бессознательно — стремился прямо и непосредственно воплотить эстетически положительные качества русского бытия и в конечном счете ставил перед собой цель — сотворить национальный образ прекрасного. Красота русской природы для этих художников — только необходимое начало, исток, основа национальной красоты в ее целостном содержании, и природное прекрасное предстает в их искусстве в органическом единстве с человеческой красотой и, далее, с покоряющей красотой самого их художественного слова.

Имеет смысл оговорить, что «красота» и «прекрасное» в эстетике имеют мало общего с чисто бытовым употреблением этих слов, подразумевающим радующие глаз своей гармоничной формой явления, лица, предметы. Прекрасное в эстетике — и особенно в русской эстетике — немисливо без напряженного духовного порыва, драматизма, даже трагедийности — что с такой яркостью выразилось в поэзии Тютчева; можно сказать, что ее красота — это главным образом трагическая красота.

Но вернемся к тютчевской «стране». Двенадцать названных выше имен слишком, я бы даже сказал — чрезмерно,

весомы, чтобы их происхождение из одной и той же, столь малой части русской земли, которую и на лошадях-то можно было пересечь за день-два, являл собой только лишь случайное совпадение.

Это в буквальном смысле средняя часть русской земли (Богодухово лежит примерно в тысяче верст и от Белого и от Черного морей) срединна и в чисто природном отношении. Это — лесостепь, которая дает почуять степную ширь и в то же время еще сохраняет — местами даже и до сего дня — могучие боры, дубравы и рощи. А кроме того, в этом крае особенно рельефно выражена Среднерусская возвышенность. Ис крутых холмов (князь Игорь, между прочим, двигался в половецкую степь именно через этот край, через эти шломы, последний из которых горестно упомянут в «Слове»: «О Русская земле! Уже за шеломянем еси!») открываются захватывающие дух просторы.

Впрочем, нет смысла говорить об этом крае «вообще». Вернемся прямо в Овстуг, помня, что всего в пятидесяти верстах к югу в родственной местности лежит Красный Рог Алексея Толстого, в ста верстах к юго-востоку — лесковское Панино, еще в ста верстах за ним — пришвинское Хруцово, а если на рассвете отправиться на добрых лошадях к северо-востоку, к концу дня доберешься в фетовские Новоселки или тургеневское Спасское-Лутовиново, а к следующему утру — и в Ясную Поляну.

В нескольких километрах к западу от Овстуга над Десной вздымаются высокие холмы, один из которых, согласно географической мерке, должен даже зваться горой: его высота над уровнем моря — 228 метров. С этих холмов можно увидеть образ края во всем его размахе. К северу, за широкой поймой Десны, несколькими ярусами поднимается вековой лес, а на юге развевается неограниченное просторство полей, уже за горизонтом которого — дубравы Красного Рога. Десна петляет в своем вольном русле, и ее извивы видны на много верст вдаль.

В этих местах словно сошлись лицом к лицу Русский Север и Русский Юг, здесь обитают и глухарь, и орел-беркут. Я не раз недоумевал над написанным в Овстуге стихотворением Тютчева «Смотри, как роца зеленеет...», которое кончается строками:

И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины,—

пока, наконец, не увидел на зоогеографической карте изданной в 1976 году «Атласа Брянской области» фигурку орла, нанесенную покамест к тому же, как и фигурка глухаря, тревожным красным (то есть «редкие животные»), а не без-

надежным коричневым («исчезающие» — как, например, стрепет) цветом. В тютчевские времена «крик орлиный» могли, конечно, услышать все побывавшие в Овстуге. А. К. Толстой писал тогда в полусотне верст к югу от Овстуга:

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья.
Ветер, степь да тучи!

Бор и степь, орел и соловей — это не просто романтический набор (хотя знатоки поправляют автора, утверждая, что орлы не собираются в стаи), но точная зооботаническая характеристика родимого края поэта.

Этот край — не только сердцевина всей русской природы, но и сердцевина русского народа. Нелегко разглядеть национальное единство архангельских поморов и кубанских казаков, отделенных друг от друга двухтысячеверстным пространством. Но русские люди, живущие вокруг Богодухова, как бы соединяют в себе черты тех и других — и в образе жизни, и в душевном складе, и в слове. Вполне достаточно взглядеться в творчество художников, выросших из этой почвы и выразивших ее сокровенную суть. В лирике Тютчева, в песнях Кольцова, в балладах Алексея Толстого, в очерках и романах Тургенева, в эпосе Льва Толстого, в сказах Лескова, в новеллах Бунина воплощен образ общенародной, общенациональной красоты.

И самый тот факт, что все эти художники слова произошли из одной и той же частицы русской земли, чрезвычайно многозначителен. Он со всей убедительностью подтверждает решающую роль срединной Руси в творческом становлении Тютчева и Кольцова, Толстого и Лескова, Пришвина и Есенина. Именно здесь, где (если попытаться наметить броские контуры многообразнейшего целого) как бы сведены лицом к лицу и угрюмый бор с его глухарями, и раздольная степь с ее орлами, где в человеческих обликах и душах могут объединиться и примириться суровость помора, плывущего в Ледовитый океан, и лихость казака, скачущего к Кавказскому хребту, — именно здесь могло и должно было зародиться в душевной глубине будущих великих художников то зерно, из которого развился затем общенациональный образ красоты.

А теперь взгляды в тютчевский Овстуг. Даже по очень скудным дошедшим

до нас сведениям можно представить себе нарастающее с годами богатство впечатлений, формировавших здесь, в Овстуге, душу и разум поэта.

Вначале, в первые годы, — это малый, скромный, но все же по-своему неисчерпаемый мир самой усадьбы. «Старинный садик, — вспоминал позднее Тютчев, — четыре больших липы, хорошо известных в округе, довольно хилая аллея шагов в сто длиною и казавшаяся мне неизмеримой, весь прекрасный мир моего детства, столь населенный и столь многообразный, — все это помещается на участке в несколько квадратных сажен...»

Постепенно этот мир расширялся за ограду усадьбы. Через много лет Тютчев провел свою дочь Дарью как бы во второй круг (уже за оградой) своего детского мира, и она рассказала об этом в письме к сестре: «Мы отправились вместе, папа и я, сперва на могилу дедушки, затем в рощи, с которыми связано у папы столько детских воспоминаний; он рассказал мне, что однажды, когда он со своим наставником гулял в роще рядом с кладбищем, они нашли мертвую горлицу в траве и похоронили ее, а папа написал эпитафию в стихах... Папа приходил после заката солнца собирать душистый чудоцвет в тишине и темноте ночи, и это вызывало в нем неопределенное ощущение таинственности и благоговения... Эти перелески, этот сад, эти аллеи были целым миром... — и миром полным; тут пробудился ум, и детское воображение в этой реальности видело свой идеал».

Тютчев особенно дорожил видом с овстугского балкона, видом, как он позднее писал, «на эту воронку из зелени... на деревья, церковь, крыши, наконец, весь горизонт». Дом стоял на возвышенном месте, и горизонт с балкона был довольно широк, хотя Тютчев все же сожалел о его «ограниченности».

Так или иначе, но с балкона открывались усадьбные окрестности — одно из полных неповторимого обаяния воплощений среднерусского ландшафта. Само село Овстуг широко раскинулось на восьми холмах, местами покрытых березовыми рощами. Между холмами течет небольшая, но удивительно быстрая речка Овстуженка; скорость ее течения столь велика, что замерзает она лишь при температуре двадцать градусов ниже нуля.

Дом Тютчевых стоял всего в нескольких десятках метров от речки. У ее берега и сейчас возвышается поистине уникальный могучий тополь, знакомый поэту; ствол этого исполина могут обхватить только шесть человек. Рядом с тополем — старинный колодезь, из которого брали воду Тютчевы.

Селение как бы несколькими ступенями спускается к северу, к замечательной по своей живописности долине Десны. К западу, востоку и югу от Овстуга — просторы полей, в которые вкраплены рощи и овражки. Вокруг Овстуга — многочисленные села, деревни, хутора. В трех километрах к востоку — Речица, также принадлежавшая Тютчевым; здесь жил дед поэта, выделивший сыну усадьбу в Овстуге. Селения Дорогинь, Молотино, Песочня, Суздальцево, Дятьковичи, Го-

запись о том, что Федя Тютчев вместе с дворовой девицей Катюшей Кругликовой (выступавшей в качестве крестной матери) крестил сына одного из тютчевских крепостных.

Дочь поэта Дарья рассказала в письме к сестре Анне о народном праздновании заветного «Яблочного Спаса» в Овстуге. Рассказ этот относится к 1850-м годам, но не может быть никакого сомнения, что в таких же или, вернее, еще более размашистых сценах народных праздников

Овстуг

стиловка, Вщиж — это ближайшие окрестности Овстуга; их названия подчас стоят под стихотворениями в автографах поэта, упоминаются в его письмах...

В Овстуге свершилась встреча Тютчева не только с природой, но и с народом. Тютчевы принадлежали к тем дворянским семьям, которые постоянно стремились сохранять и укреплять патриархальные связи с крестьянами. Так, до нас дошли многочисленные документы, свидетельствующие о том, что все члены семьи Тютчевых крестили многих детей своих крестьян — то есть становились их крестными отцами и матерями, исполнявшими так или иначе родственные обязанности. Известный архивист Г. В. Чагин разыскал недавно еще одну церковную

Тютчев участвовал с самого раннего детства.

«Расскажу тебе этот великий день, — писала родившаяся и выросшая в Германии Дарья, впервые увидевшая тогда народный праздник в Овстуге. — Крестьянки были счастливы, как дети. Вечером они все пришли танцевать и петь... Они импровизировали песни, сопровождавшие пляски и славившие папу и маму, да еще и в стихах! Вот образец, который я, быть может, плохо передаю, но именно так его запомнила:

На дубе сидят два голубка,
Целуются, милуются.
Один — Федор Иванович,
Другой — Эрнестина Федоровна».

Через несколько лет Тютчев снова участвует в праздновании «Яблочного Спаса» в Овстуге, и Дарья вновь повествует об этом в письме к Анне: «Крестьяне кидались на шею папы и рассказывали ему о своих жалобах».

Такие подробности — пусть сами по себе не очень значительные — важны потому, что достаточно широко распространены ложные представления, согласно которым Тютчев, сказавший высочайшие слова о русском народе, в реальной жизни будто бы чуть ли не чурался «мужиков»... Та же Дарья сообщала, что во время Крымской войны Тютчев пригласил в свой кабинет крепостного ратника, собиравшегося в Севастополь, и сердечно беседовал с ним — братом овстугского повара.

Ясно, что такие отношения складывались с детских и отроческих лет поэта, когда — это легко предположить — отец Тютчева в присутствии сына беседовал с крестьянами, участвовавшими в Отечественной войне 1812 года...

Да, Тютчев провел большую часть своей жизни в придворных салонах и на дипломатических раутах, что имело свои очень серьезные причины. Но при всей скудости документальных сведений, которыми мы располагаем, невозможно сомневаться в том, что у Тютчева была и другая достаточно богатая жизнь. Когда он произнес по пути в Овстуг, в городке Рославль:

Эти бедные селенья... —

в его словах выражался не мимоletный взгляд путешественника, торопящегося из одной столицы в другую (а именно таким многие представляют себе Тютчева), но глубоко выстраданный опыт целой жизни, — жизни, начавшейся в Овстуге, в постоянном живом общении с брянскими крестьянами. Поэт записал в Рославле:

...Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной...

Нет сомнения, что Тютчев заметил и понял это «тайное свечение» еще в самые юные годы и именно в Овстуге.

Здесь же, в Овстуге, перед юным Тютчевым — вместе с родной природой и народом — глубоко раскрылась и реальность родной истории, которая значила для поэта необычайно, исключительно много. Всего в четырех верстах к западу от Овстуга, на высоком холме над Десной, сохранились следы древнерусского города Вщижа. Город этот, существовавший уже в девятом столетии, в середине XI ве-

ка становится столицей самостоятельного Вщижского княжества. В летописях сохранились сведения о долгих междуусобных битвах за этот город во второй половине XII века, о пирах и свадьбах в его детинце, окруженном внушительными крепостными валами. Весной 1238 года Вщиж был до основания разрушен и сожжен полчищами Батия, охваченными яростью после только что закончившейся страшной для них осады Козельска (расположенного в 150 верстах к северо-востоку от Вщижа). Он уже не восстановился в качестве города. Но небольшое селение Вщиж существует и поныне.

Тютчевы состояли в самых добрых отношениях с владельцем Вщижа М. Н. Зиновьевым, а позднее с его дочерью В. М. Фоминой. Поэт бывал во Вщиже с детства, а в последний его приезд на родину в 1871 году посещения Вщижа отозвалось одним из самых сильных тютчевских стихотворений (на его рукописи сохранилась помета: «По дороге во Вщиж»):

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесть...

Словом, Вщиж как бы прошел сквозь всю жизнь поэта. И Тютчев не мог не знать по-своему замечательного историографического эпизода, связанного со Вщижем. В 1816 году вышли в свет первые тома вызвавшей всеобщий страстный интерес «Истории государства Российского» Карамзина, где рассказывалось и о Вщиже, рассказывалось по летописным источникам, как об одном из древнейших русских городов, чье местонахождение ныне неизвестно. М. Н. Зиновьев отправил Карамзину письмо, в котором сообщал: «В здешней стороне есть предание, что село Вщиж было городом особенного удельного княжения. Еще доныне в окрестности видны следы земляных укреплений и находятся большие гранитные кресты (на курганах), весьма не худо выделанные... На полях много курганов; один из них в самом селе и наполнен старинными кирпичами: сказывают, что тут была церковь. Выкапывают также немало медных крестов, икон, железной конской сбруи и прочее».

Вскоре появилось новое издание «Истории» Карамзина, и в примечаниях было приведено письмо Зиновьева, давшее историку возможность установить местонахождение Вщижа и самого Вщижского княжества. Нельзя сомневаться в том, что юный Тютчев знал все подробности этого, быть может, небольшого, но очень многозначительного — особенно для жи-

телей вщижской округи — историографического события. Такие события позволяют с особенной остротой и жизненностью воспринять историю. По-иному виделись теперь сами следы давних времен близ родного Овстуга.

Присущее зрелому Тютчеву глубокое и острое чувство истории во всем ее тысячелетнем размахе пробудилось в самые ранние годы еще и потому, что чувство это находило мощную живую опору в родовом, семейном предании. Тютчев был прямым потомком одного из самых выдающихся героев Куликовской битвы Захария Тютчева.

«...Князь же великий Дмитрий Иванович избра своего юношк довольно суща разумом и смыслом, именем Захария Тутьшова и... посылает к нечестивому царю Мамаю». Захарий Тютчев сыграл роль, как бы сказали теперь, тонкого дипломата и смелого разведчика. Он узнал и сообщил Дмитрию Ивановичу о готовящемся союзе Мамаю с Рязанью и Литвой. Поведение Тютчева в ходе его посольской миссии призвано было внушить Мамаю, что русские убеждены в своей победе, и тем самым подорвать уверенность врага. Значение тютчевского посольства было оценено современниками и ближайшими потомками столь высоко, что подробное повествование об этом посольстве не только вошло в письменное «Сказание о Мамаевом побоище», но и стало основой устного фольклорного предания «Про Мамаю безбожного» (оно было записано в середине XIX века в Архангельской губернии).

Рассказ о подвиге Захария Тютчева передавался из поколения в поколение в самом роду Тютчевых. Но, конечно, особенно сильное впечатление должны были произвести на юного Тютчева страницы, посвященные его предку в «Истории государства Российского» Карамзина (когда вышли в свет первые тома «Истории», Федору было тринадцать лет). Не могла не волновать его и сама Куликовская битва, свершившаяся за полтора десятка человеческих поколений (именно столько поколений отделяло Федора Тютчева от Захария) в таких же среднерусских местах восточнее Овстуга. Развалины древнего Вщижа и память о предке — герое Куликовской битвы сразу создавали в отроческой душе осозаемую глубь истории. Жизнь Вщижского княжества была оборвана монгольским нашествием, а началась она, эта жизнь, примерно за полтысячелетия до Куликовской битвы, еще во время борьбы с хазарами, о которых повествовал в первом томе своей «Истории» Карамзин. А время, протекшее после Куликовской битвы, также близилось уже к полтысячелетию (которое торжественно отме-

чалось вскоре после кончины Тютчева). И это чувство тысячелетней глубины родной истории — чувство, безмерно обогащенное в зрелые годы поэта проникновенным историческим самосознанием, включавшим в себя осмысление пути развития всего человечества, — чувство это пробудилось в Тютчеве, несомненно, еще в его овстугские годы.

Семья Тютчевых принадлежала к тем многим тысячам русских семей, в бытии которых на рубеже XVIII—XIX веков формировался особенный социальный слой среднего дворянства. Еще Белинский определил характерные черты этого слоя: «Екатерина II, — писал он в 1844 году, — жалованною грамотою определила в 1785 году права и обязанности дворянства... Вследствие нравственного движения, сообщенного грамотою 1785 года, за вельможеством начал возникать класс среднего дворянства... В царствование Александра Благословленного значение этого, во всех отношениях лучшего, сословия все увеличивалось и увеличивалось, потому что образование все более и более проникало во все углы огромной провинции, усеянной помещичьими владениями. Таким образом формировалось общество, для которого благородные наслаждения бытия становились уже потребностью, как признак возникающей духовной жизни».

Так рождались те очаги культурного бытия, которые впоследствии, по тургеневскому слову, назвались «дворянскими гнездами». Одним из ранних таких гнезд и был тютчевский Овстуг.

Из всего, что мы знаем о семье Тютчевых и ее овстугском быте, вырисовываются лучшие черты русского среднего дворянства начала XIX века, столь хорошо знакомые всем по толстовской «Войне и миру». Жизнь в овстугской усадьбе естественно, сама собой раскрывала перед мальчиком и юношей Тютчевым заветные глубины бытия русской природы, народа, истории, создавая тем самым незыблемую основу личности поэта.

Глубоко неверно было бы думать, что окрестности Овстуга во времена детства и юности Тютчева являли собой некое темное захолустье. Становление того «среднего дворянства», о котором писал Белинский, быстрыми шагами шло и в этих местах. Уже говорилось о владельце Вщижа М. Н. Зиновьеве, вступившем в переписку с Карамзиным, и его дочери В. М. Фоминой, с детства знакомых Тютчеву. Другой овстугский сосед Тютчевых, владелец села Суздальцева С. Ф. Яковлев, написал трактат по проблемам политической экономики, изданный в Москве в 1853 году.

И это, конечно, только некоторые известные имена овстугской округи. Нельзя

не привести здесь один очень выразительный рассказ Тютчева. В зрелые годы он был в тесных дружеских отношениях с выдающимся географом, историком, писателем, общественным деятелем Егором Петровичем Ковалевским и его братом Евграфом Петровичем — горным инженером, в 1820-х годах положившим начало освоению Донецкого угольного бассейна, а позднее, в 1858—1861 годах, в качестве министра проводившим рефор-

его рода мерилom человеческих ценностей. И совершенно ясно, что именно в Овстуге сложилось самое ядро личности поэта.

Все очерченные выше стороны овстугского бытия обусловили огромное, поистине неоценимое значение «малой родины» в духовной и душевной жизни Тютчева. Судьба поэта сложилась таким образом, что в юности он расстался с Овстугом на четверть века и, вернув-

му народного просвещения. И вот как рассказывал Тютчев в письме к жене о своей встрече с Ковалевским в 1858 году: «Прошлое воскресенье я мог себе вообразить, что нахожусь в близком соседстве Овстуга, у нашего приятеля Яковлева или у Веры Михайловны Фоминой, а я был всего в двенадцати верстах от Петербурга у министра Ковалевского — в имени, доме и семье точно таких, какие встречаются в глухой русской провинции. Славные люди!.. Ты бы это оценила...»

Трудно представить себе более лестную характеристику — пусть косвенную — той жизни и тех людей, которые с детства окружали Федора Тютчева в Овстуге. Ведь из слов поэта следует, что овстугское бытие являлось для него сво-

пшись в родную усадьбу лишь в 1846 году совершенно зрелым человеком, поначалу воспринял родные места даже с какой-то отчужденностью. Поселился Тютчев в Петербурге, и самые разные, личные и общественные, житейские и служебные, обстоятельства постоянно препятствовали его поездкам в родные места. Нельзя не сказать и о трудностях пути: до прокладки железных дорог путешествие из Петербурга в Овстуг занимало около недели (то есть полмесяца в оба конца). Тем не менее Тютчев хотя бы ненадолго — подчас всего лишь на десяток дней — выбирался в Овстуг через каждые полтора-два года. Он вынужден был прекратить эти регулярные поездки лишь с 1858 года, когда занял ответственный пост председателя комитета иностранной цензуры.

В Овстуге и его окрестностях Тютчев создал более двух десятков прекраснейших своих творений (здесь следует напомнить о том, что поэтическое наследие Тютчева — особенно если не считать так называемых «стихотворений на случай» — количественно очень невелико). В 1854 году поэт писал жене:

«...Когда ты говоришь об Овстуге, прелестном, благоуханном, цветущем, безмятежном и лучезарном, — ах, какие приступы тоски по родине овладевают мною, до какой степени я чувствую себя виновным по отношению к самому себе, по отношению к своему собственному счастью... Но, увы, у меня в данную минуту в кармане нет ни копейки...»

Можно бы привести немало таких тютчевских высказываний. Через десяток лет, в 1863 году, Тютчев пишет о том же: «Когда ты говоришь об Овстуге, о благе, которое мне принесли бы покой и свежесть, ожидающие меня там, — я совершенно разделяю твое мнение... Но, увы, как добраться до этого рая... Овстуг — непризнанный и столь мною пренебрегаемый. Ах, какое жалкое существо: человек, — подобный мне человеку!»

...Видел Полонского... Он в восторге от Овстуга и от своего пребывания у вас и жалеет только, что оно не продлилось недели и месяцы. Слушая его рассказы, я испытывал некоторую, даже большую зависть. В самом деле, я чувствую каждый день как бы тоску по родине, думая об этих местах, которыми я так долго пренебрегал...»

Только в конце жизни Тютчев обрел возможность постоянно навещать Овстуг, и с 1868 года он, вплоть до начала своей предсмертной болезни, приезжал на родину каждое лето.

Быть может, с наибольшей ясностью все значение Овстуга для Тютчева выразилось в том факте, что Овстуг как бы умер вместе с поэтом: наследники Тютчева вывезли из усадьбы все, что представляло в их глазах ценность (вплоть до паркетных полов, сделанных из ценных пород дерева), и бросили свое родовое гнездо на произвол судьбы. Дом поэта пришел в запустение и к началу первой мировой войны был разобран...

Но ныне в Овстуге поистине совершается нечто чудесное: дом и вся тютчевская усадьба воскресают из небытия.

...В самом начале 1930-х годов в Овстуге был избран председателем колхоза Данила Васильевич Гамолин. Он привез с собой малолетнего сына Владимира. Окончив овстугскую школу, основанную при поддержке самого Тютчева, его дочерью Марией, Владимир поступил на филологический факультет Ленинградского педагогического института имени

Герцена. В 1955 году он возвратился в Овстуг и стал здесь учителем русской литературы и языка, а позднее заведующим учебной частью школы.

Уже в 1957 году В. Д. Гамолин создал в одной из школьных комнат небольшой тютчевский музей. С 1961 года в Овстуге ежегодно проходят тютчевские праздники поэзии (первые у нас такие праздники; пушкинские, лермонтовские, некрасовские, фетовские, блоковские и другие — стали проводиться позднее); в последнее время на праздники в Овстуг собираются десятки тысяч людей из ближних и дальних мест. В 1970 году, после постройки нового здания школы, старый — столетний — школьный дом был целиком занят тютчевским музеем. Началось восстановление сада, пруда, ограды и, наконец, — с 1981 года — самого тютчевского дома, от которого уцелела только часть фундамента...

У В. Д. Гамолина большие планы: он стремится создать в Овстуге и округе целый заповедник, который включит в себя рощи и перелески, берег Десны и лежащий в четырех километрах от Овстуга древний Вщиж. И Владимир Данилович сумел воодушевить этой идеей множество людей — от овстугских школьников до руководителей Брянской области.

И пожалуй, самое значительное состоит в том, что В. Д. Гамолин на каждом шагу своей деятельности нераздельно связывает заботы об исторической памяти с многообразными заботами о сугубо современной, сегодняшней жизни родного села и его окрестностей. Он неустанно, с поразительной энергией участвует в благоустройстве Овстуга и его хозяйственных делах. Его глубоко волнует вся жизнь Овстуга — от числа родившихся за год детей до состояния дорог и улиц, от судеб выпускников школы до проблем специализации овстугского хозяйства. Когда говоришь с ним, ясно видишь, что Владимир Данилович испытывает чувство личной ответственности за то, как и чем живут его шестьсот с лишним односельчан, которых он знает наперечет...

И сами памятники истории и культуры в Овстуге и окрестностях Владимир Данилович Гамолин воспринимает и понимает не как остатки безвозвратного прошлого, но как живую и безусловно необходимую часть своего и народного бытия в сегодняшнем, современном мире.

Статья В. Кожина является фрагментом его книги «Тютчев», выходящей в 1984 году в издательстве «Молодая гвардия» (серия «Жизнь замечательных людей»).